

Трагедія интеллигентской души.

(Къ исполнившемуся 10-лѣтію со дня смерти А. П. Чехова).

„Изъ противорѣчій соткана душа русской интеллигенціи, какъ и вся русская жизнь, и противорѣчивыя чувства къ себѣ возбуждаетъ. Нельзя ее не любить и нельзя отъ нея не отталкиваться. На ряду съ чертами отрицательными, представляющими собою симптомъ исторической незрѣлости и заставляющими стремиться къ преодолѣнію интеллигенціи, въ страдальческомъ ея обликѣ просвѣчиваютъ черты духовной красоты, которыя дѣлаютъ ее похожей на какой-то совсѣмъ особый, дорогой и нѣжный цвѣтокъ, возвращенный нашей суровой исторіей“¹⁾.

Невольно приходитъ на память этотъ отзывъ С. Н. Булгакова о русской интеллигенціи, когда перечитываешь художественныя произведенія и письма А. П. Чехова, типичнѣйшаго русскаго интеллигента.

Сколько противорѣчій въ его произведеніяхъ и письмахъ, противорѣчій глубокихъ, коренныхъ, почти непримиримыхъ, въ особенности въ вопросахъ вѣры и морали, которымъ онъ удѣляетъ много вниманія и въ своихъ письмахъ и въ художественныхъ произведеніяхъ!

Вопросы религіи и нравственности затрагиваетъ почти вся русская художественная литература; русскіе писатели-художники всегда поражали иностранцевъ тѣмъ исключительнымъ вниманіемъ, которое удѣляется этимъ вопросамъ въ ихъ произведеніяхъ, но у другихъ русскихъ писателей мы находимъ то или иное болѣе или менѣе опредѣленное отно-

¹⁾ „Вѣхп“, стр. 68.

шеніе къ этимъ вопросамъ, въ художественныхъ же произведеніяхъ А. П. Чехова, мы напрасно стали бы искать взгляды самого Чехова на затронутые имъ вопросы вѣры и нравственности.

Своеобразный, тонкій, иногда капризный рисунокъ Чеховскихъ рассказовъ глубоко прячетъ мысль автора. Чеховъ заставляетъ говорить своихъ героевъ за ихъ собственный страхъ и отвѣтственность; отъ себя же онъ не прибавляетъ никакихъ поясненій; свои личные взгляды, свои симпатіи и антипатіи онъ тщательно скрываетъ отъ читателей. Поэтому о его религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ судить очень трудно. Онъ самъ не любилъ, когда пытались дѣлать тѣ или иные выводы на основаніи его художественныхъ произведеній о его міровоззрѣніи.

„Я боюсь тѣхъ, пишетъ онъ Плещееву, кто между строки ищетъ тенденцій и кто хочетъ видѣть меня либераломъ или консерваторомъ. Я не либераль, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ—и только“²⁾. А въ письмѣ къ Суворину говоритъ: „Мнѣ кажется, что не беллетристы должны рѣшать такіе вопросы, какъ Богъ, пессимизмъ и т. п. Дѣло беллетриста изобразить только, кто, какъ и при какихъ обстоятельствахъ говорили или думали о Богѣ или пессимизмѣ. Художникъ долженъ быть не судьей своихъ персонажей и того, о чемъ говорятъ они, а только безпристрастнымъ свидѣтелемъ“³⁾.

Въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ Чеховъ до того старается быть объективнымъ, что многіе критики приняли эту объективность за постыдное равнодушіе къ добру и злу, а одинъ изъ нихъ въ своемъ рвеніи дошелъ до того, что пророчилъ Чехову, какъ автору „безыдейнаго и безцѣльнаго творчества“, смерть подъ заборомъ отъ пьянства.

Такіе упреки въ безыдейности и равнодушіи къ вопросамъ нравственности и общественной сильно возмущали Чехова. Всегда спокойный, деликатный и благодушный онъ въ такихъ случаяхъ выходилъ изъ себя и даже одного изъ такихъ обвинителей назвалъ „форменнымъ идиотомъ“⁴⁾.

²⁾ Письма А. П. Чехова, X. 89 г.

³⁾ Письма. 88 г. V. 30.

⁴⁾ Воспом. И. Буняна.

Равнодушнымъ къ этимъ вопросамъ Чехова, слѣдовательно, нельзя было назвать, онъ только не хотѣлъ подсказывать читателю, устами какихъ именно героевъ изъ своихъ произведеній говорить онъ самъ. И только съ опубликованіемъ его писемъ выяснились болѣе или менѣе опредѣленно взгляды самого Чехова на религію и мораль. Письма же показали намъ, что, при всей кажущейся объективности, Чеховъ довольно часто влагалъ въ уста своихъ героевъ свои собственныя излюбленныя мысли и убѣжденія.

До появленія въ печати писемъ Чехова можно было думать, судя по его художественнымъ произведеніямъ, въ которыхъ онъ очень много мѣста удѣляетъ духовенству, церкви, церковнымъ службамъ и обрядамъ, религіознымъ переживаніямъ, благотворному дѣйствію христіанскихъ обрядовъ на душу человѣка,—что Чеховъ очень религіозный и вѣрующій, въ православномъ смыслѣ слова, человѣкъ. Къ такому выводу и приходили многіе писавшіе о Чеховѣ и его произведеніяхъ. Къ такому выводу побуждала и та обстановка, въ которой выросъ Чеховъ и которая, повидимому, должна была сдѣлать его человѣкомъ религіознымъ. Воспитаніе въ дѣтствѣ Чеховъ получилъ строго религіозное. Семья была патріархальная, глубоко вѣрующая; отецъ Чехова управлялъ долгое время церковнымъ хоромъ, дядя его былъ церковнымъ старостой; всѣ въ семьѣ Чехова любили церковныя службы и усердно посѣщали церковь. Самъ А. П. отличиво зналъ церковную службу и любилъ составлять домашній, импровизированный хоръ. Пѣли тропари, кондаки, стихирны, пасхальные ирмосы и другія церковныя пѣснопѣнія⁵⁾. И знакомства у Чеховыхъ были соответствующія; частымъ гостемъ у нихъ былъ законоучитель таганрогской гимназіи, протоіерей Ѳ. Покровский. Чеховъ любилъ сидѣть въ комнатѣ съ взрослыми и часто обращался съ различными вопросами къ о. Покровскому. Любилъ Чехова и о. Покровский и между ними сохранились добрыя отношенія и потомъ, когда Чеховъ сдѣлался извѣстностью.

Однако опубликованныя теперь письма А. П. Чехова говорятъ иное.

Прежде всего, оказывается, религіозное воспитаніе Чехова

⁵⁾ Воспом. Нг. Потапенко. „Нива“, 1914 г.

носило характеръ принудительности. Отець Чехова посѣщеніе церковныхъ службъ превратилъ въ какую-то обязательную повинность, исполненія которой онъ требовалъ съ изнѣпной суровостью. Онъ будилъ дѣтей къ ранней обѣднѣ. Выстаивали утреню, обѣдню и еще дома—акаѣистъ. Когда отецъ Чехова былъ регентомъ соборнаго хора, а потомъ и своего собственнаго, дѣти должны были пѣть въ этихъ хорахъ, причемъ отецъ Чехова изводилъ дѣтей поздними спѣвками и на другой день будилъ ихъ въ 2 и въ 3 часа ночи и шель съ ними въ церковь во всякую погоду. Дѣти уставали и въ ихъ дѣтскихъ сердцахъ зарождалось глухое раздраженіе противъ такого насильственнаго внѣдренія религіозности.

Вотъ почему, несмотря на строго религіозное воспитаніе, на соотвѣтствующую этому воспитанію домашнюю обстановку и знакомства, религіозность, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, Чехову не привилась. Чеховъ не разъ жаловался въ своихъ письмахъ на то, что онъ потерялъ въру именно благодаря принудительному со стороны отца характеру его религіознаго воспитанія.

„Я получилъ, пишеть онъ Ив. Щеглову, въ дѣтствѣ религіозное образованіе и такое же воспитаніе—съ церковнымъ пѣніемъ, съ чтеніемъ апостола и каѣизмъ въ церкви, съ исправнымъ посѣщеніемъ утрени, съ обязанностью помогать въ алтарѣ и звонить на колокольномъ. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ: религіи у меня теперь нѣтъ“⁶⁾.

Отъ религіи и церковности у Чехова до самой смерти, по его собственному признанію, осталась какая-то особенная, нѣжная любовь къ церковному звону. Объ этой любви Чехова къ церковному звону пишутъ почти всѣ знавшіе А. П. Чехова.

„Подъ праздникъ и рано утромъ въ праздникъ, говорить въ своихъ воспоминаніяхъ артистъ А. Вишневскій, нерѣдко случалось мнѣ видѣть А. П. сидящимъ на скамейкѣ у себя въ саду и слушающимъ колокольный звонъ. „Лучше и красивѣе церковнаго звона ничего нѣтъ, говорилъ А. П.; такъ его люблю“. И потомъ съ грустной улыбкой добавлялъ: „Это все, что осталось у меня отъ прежней религіи“⁷⁾.

⁶⁾ А. Измайловъ. „Біографія Чехова“.

⁷⁾ „Солнце Россіи“. 1914 г. № 25.

„Какъ-то сидя въ саду предъ закатомъ и прислушиваясь къ долетавшему церковному звону, вспоминаетъ Влад. Немировичъ-Данченко, А. П. сказалъ: красивый звонъ. Это все, что осталось отъ православія“⁸⁾. „Къ звону онъ (А. П.) былъ всегда равнодушенъ, говоритъ братъ Чехова Михаилъ. Бывало собиралъ цѣлыя компаніи и отправлялся съ ними пѣшкомъ на каменный мостъ слушать пасхальный звонъ. Жадно выслушавъ его, онъ отправлялся затѣмъ бродить по церквамъ, изъ церкви въ церковь и съ одервянѣвшими отъ усталости ногами только къ концу пасхальной ночи приходилъ домой“⁹⁾.

Осталось отъ религіознаго воспитанія у Чехова и непреодолимое тяготѣніе къ описанію красотъ церковныхъ службъ, молитвъ, пѣснощій и обрядовъ; стремленіе заставлять своихъ героев переживать чувства религіознаго восторга и умиленія.

Не признавая однако эти порывы души къ религіознымъ переживаніямъ, это ея духовное томленіе за проявленіе религіи, Чеховъ отвергалъ религію, отрекшился отъ нея всячески, считалъ ее пережиткомъ, который еще можно понять и простить въ мужикахъ, но не въ интеллигентномъ человѣкѣ. „Я давно потерялъ свою вѣру, пишетъ онъ С. П. Дягилеву, и только съ недоумѣніемъ поглядываю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго“¹⁰⁾. По поводу письма какой-то г-жи С. Чеховъ пишетъ Суворину: „Она вѣрится въ жизнь, а это значить, что она ни во что не вѣрится, если она умна, или же попросту вѣрится въ мужицкаго Бога и крестится въ потемкахъ, если она баба“¹¹⁾.

Въ своихъ взглядахъ на религію Чеховъ является типичнымъ русскимъ интеллигентомъ, отъ религіознаго воспитанія и образованія у котораго осталось только хорошее знаніе быта духовенства, церковныхъ службъ, тропарей, кондаковъ, названіе церковныхъ предметовъ, такъ что онъ уже не назоветъ, подобно Тургеневу, не получившему такого воспитанія, кадило паникадилломъ и епитрахиль епитиміей.

⁸⁾ Ibid.

⁹⁾ Сборникъ „Памяти Чехова“, стр. 58.

¹⁰⁾ Письма А. П. Чехова, т. 3, стр. 10.

¹¹⁾ Д. Мережковский, „Русское Слово“.

На религію онъ смотрѣлъ, какъ на синонимъ рабства, невѣжества, некультурности и поэтому силится вытравить изъ своей души всякое проявленіе религіи, какъ остатокъ рабства. Онъ даже хотѣлъ прослѣдить въ себѣ этотъ процессъ вытравливанія и описать его въ спеціальному разсказѣ въ назиданіе другимъ.

Не рѣшаясь однако взяться за такой разсказъ, Чеховъ проситъ Суворина: „Напишите-ка разсказъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывшій лавочникъ, пѣвчій, гимназистъ, студентъ, воспитанный на чинопочитаніи, цѣлованіи поповскихъ рукъ, поклоненіи чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ сѣчennyй, ходившій по урокамъ безъ калошъ, дравшійся, мучившій животныхъ, любившій обѣдать у богатыхъ родственникововъ, лицемѣрившій и Богу и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія собственнаго ничтожества, напишите, какъ этотъ молодой человѣкъ выдавлиываетъ у себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая“¹²⁾.

Вотъ эта-то „настоящая человѣческая кровь“ диктуетъ Чехову, что культура и религія двѣ вещи несовмѣстимыя. Если же встрѣчаются люди культурные и вѣрующіе, религіозные интеллигенты, то это неискренно, а одно лицемѣріе, ибо атеизмъ долженъ быть общей, обязательной для всѣхъ интеллигентовъ вѣрой, въ которую они крестятся, вступая въ лоно интеллигентской церкви.

„Вы пишете, говоритъ Чеховъ въ письмѣ къ С. П. Дягилеву, что мы говорили о серьезномъ религіозномъ движеніи въ Россіи. Мы говорили про движеніе не въ Россіи, а въ интеллигенціи. Про Россію я ничего не скажу, интеллигенція же пока только играетъ въ религію и главнымъ образомъ отъ нечего дѣлать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла отъ религіи и уходитъ отъ нея все дальше и дальше, чтобы тамъ не говорили и какія бы философско-религіозныя общества не собирались. Хорошо это или дурно, рѣшать не берусь, скажу только, что религіозное движеніе, о которомъ вы пишете,—само по

¹²⁾ Письма А. П. Чехова. 89 г. 1—7.

себѣ, а вся современная культура—сама по себѣ, и ставить въ причинную зависимость отъ первой нельзя. Теперешняя культура это начало работы во имя будущаго, работы, которая будетъ продолжаться, быть можетъ еще десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы хотя въ далекомъ будущемъ человечество познало истину настоящаго Бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура это начало работы, а религиозное движеніе, о которомъ мы говорили, есть пережитокъ, уже почти конецъ того, что отжило или отживаешь“¹³⁾.

Поэтому о религіи можно говорить или писать не серьезно, а только шутя, какъ пишутъ или говорятъ о грубыхъ суевѣріяхъ, примѣтахъ и т. п. вещахъ. Такъ Чеховъ и пишетъ о религіи въ письмѣ къ Суворину съ дороги (на Сахалинѣ). „Мнѣ кажется, что жить вѣчно было бы такъ же трудно, какъ всю жизнь не спать. Если въ царствѣ небесномъ солнце заходить такъ же хорошо, какъ въ Бенгальскомъ заливѣ, то, смѣю Васъ увѣрить, царство небесное хорошая штука“¹⁴⁾. Ясное и опредѣленно высказаться, кажется, нельзя было. Религія, по Чехову,—это нѣчто пустое, мертвое, отжившее; если и привлекательное, то какъ дѣтская сказка, какъ красивый восходъ солнца, способный вызвать развѣ только веселое, игривое настроеніе, не болѣе. Даже глубокая, серьезная религиозность горячо любимой имъ матери могла вызывать въ немъ только снисходительную улыбку. Чеховъ, по свидѣтельству Вл. Немировича-Данченко, часто подшучивалъ надъ религиозностью матери, хотя и очень мягко, чтобы не обидѣть ея¹⁵⁾.

До того прочно, основательно и глубоко привилъ онъ себѣ эту роковую бацилу русской интеллигенціи. Бацилу религиознаго нигилизма.

Чеховъ, какъ правовѣрный русскій интеллигентъ, признавалъ только науку, матерію, внѣ которыхъ нѣтъ истины, нѣтъ спасенія. „Внѣ материі, пишетъ онъ Суворину, нѣтъ ни опыта, ни знанія, значить нѣтъ и истины... Я думаю, что

¹³⁾ Письма, т. 3.

¹⁴⁾ Письма, т. 3, стр. 150.

¹⁵⁾ „Солнце Россіи“, 1914 г. № 25.

когда вскрываешь трупъ, даже у самаго заядлаго спиритуалиста, необходимо явится вопросъ: гдѣ тутъ душа?... Если бы Бурже (рѣчь идетъ о произведеніи Бурже—„Ученикъ“) потрудился указать матеріалистамъ не безплотнаго Бога въ небѣ и указалъ такъ, чтобы его увидѣли, тогда бы другое дѣло“... ¹⁶⁾

Отрицая религію вообще и христіанство въ частности, Чеховъ естественно долженъ былъ притти и къ отрицанію христіанской морали. Подобно другому русскому интеллигенту-писателю Л. Н. Толстому, утверждавшему, что Христа дала міру галлюцинація любящей женщины, Чеховъ увѣренъ, что не Христось принесъ на землю совершеннѣйшую мораль, а интеллигентская мораль дала міру Христа. „Нѣтъ ни низшихъ, ни высшихъ, ни среднихъ нравственностей, пишетъ онъ Ив. Щеглову, а есть только одна, а именно та, которая дала намъ во время оно Иисуса Христа, и которая теперь мнѣ, вамъ и Б. мѣшаетъ красть, оскорблять, лгать и проч.“

А нѣтъ христіанской нравственности, не можетъ быть и отвѣтственности предъ Богомъ за проступки противъ нравственности. „Ни подлостей, ни подвиговъ, пишетъ онъ дальше въ томъ же письмѣ, такой же я, какъ большинство; грѣховъ много, но съ нравственностью мы квиты, такъ какъ за эти грѣхи я съ лихвой плачу тѣми неудобствами, какія они влекутъ за собою“ ¹⁷⁾.

Мораль обывательская, я бы сказалъ даже—мѣщанская, хотя Чеховъ и былъ самымъ яркимъ врагомъ мѣщанства и пошлости.

Но правовѣрному интеллигенту и убѣжденному матеріалисту иной нравственности и не требуется, такъ какъ не отъ христіанской нравственности онъ ожидаетъ внутренняго удовлетворенія, счастья и блаженства, а отъ внѣшнихъ благъ культуры и науки. „Я бы хотѣлъ теперь, пишетъ Чеховъ Суворину, ковровъ, камина, бронзы и ученыхъ разговоровъ. Увы! никогда я не буду толстовцемъ! Въ женщинахъ я, прежде всего, люблю красоту, въ исторіи человѣчества культуру, выражающуюся въ коврахъ, рессорныхъ экипажахъ и остротѣ мысли“ ¹⁸⁾. Отсюда одинъ только шагъ до того мѣщанства, пошлости и обывательщины, противъ котораго на-

¹⁶⁾ Письма, 89 г. V, 7.

¹⁷⁾ Письма, т. 3. стр. 32.

¹⁸⁾ Письма, 3 т., стр. 277.

правлена вся литературная дѣятельность Чехова, противъ котораго протестовала его душа, тянувшаяся къ алмазному небу, къ правдѣ, къ религіознымъ переживаніямъ.

Но Чеховъ скоро начинаетъ убѣждаться, что наука и культура безсилны переродить человѣка и сдѣлать его счастливымъ, что ожидать отъ нихъ торжества правды и справедливости на землѣ напрасно. И въ душѣ его начинается тяжелый, мучительный разладъ между его интеллигентски мыслящимъ умомъ и порывами христіански воспитаннаго сердца. Сѣмена христіанскихъ идеаловъ, которыя хотя и грубо, варварски были посѣяны въ дѣтствѣ въ его душѣ, дали ростки. Начинается трагедія интеллигентской души, борьба между Чеховымъ-интеллигентомъ и Чеховымъ-художникомъ, христіаниномъ.

Чеховъ-интеллигентъ продолжаетъ еще пѣть гимны наукѣ и культурѣ, исповѣдывать ту интеллигентскую философію, въ которой, по вѣрному замѣчанію Н. А. Бердяева, нѣтъ мѣста для чего бы-то ни было высокаго. Чеховъ-художникъ, Чеховъ-христіанинъ, воспитанный въ строго христіанскомъ духѣ, пишетъ чудныя, полныя чарующей поэзіи страницы, посвященныя религіознымъ переживаніямъ его героевъ, полныхъ религіозныхъ восторговъ и устремленій,—ходитъ до изнеможенія по церквамъ слушать пасхальную службу, цѣлыми часами уливается музыкой церковнаго звона. Чеховъ-интеллигентъ продолжаетъ мечтать о конституціи, какъ всеисцѣляющемъ средствѣ, панацееѣ отъ всѣхъ соціальныхъ золъ, о каминѣ, бронзѣ и рессорахъ; Чеховъ-художникъ грезитъ о какой-то особенной правдѣ, о торжествѣ на землѣ справедливости, объ алмазномъ небѣ, о свѣтлой, прекрасной, изящной жизни черезъ 200—300 лѣтъ.

Эту свою душевную борьбу, духовный разладъ Чеховъ переноситъ и на своихъ героевъ. Устами однихъ героевъ говорить Чеховъ-интеллигентъ, другіе герои говорятъ словами Чехова-христіанина.

Старый профессоръ изъ „Скучной исторіи“ почти буквально повторяетъ слова Чеховскихъ писемъ: „испуская послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею одною человѣкъ побѣдитъ природу и себя“.

Въ унисонъ профессору, Чеховъ-интеллигентъ пишетъ Суворину, что онъ готовъ промѣнять какіе угодно идеалы на самую плохую земскую больницу ¹⁹⁾. А въ „Княгини“ Чеховъ-художникъ, Чеховъ-христiанинъ говоритъ устами доктора: „Всѣ бѣжали отъ вашихъ (княгини) благодѣяній, какъ мыши отъ кота. А почему это? Очень просто! Не оттого, что народъ у насъ невѣжественный и неблагодарный, какъ вы объясняли всегда, а оттого, что во всѣхъ вашихъ затѣяхъ, извините меня за выраженіе, не было ни на одинъ грошъ любви и милосердія!.. Кто не умѣетъ отличать людей отъ болонокъ, тотъ не долженъ заниматься благотвореніемъ“.

Значить, ни наука, ни культура, которыя не дѣлаютъ никакого различія между человѣкомъ и животнымъ, сами по себѣ, безъ религіи, безъ христiанской этики, безъ всего того, что даетъ наукѣ и культурѣ смыслъ и цѣнность, значенія не имѣютъ, и справедливости, и счастья на землѣ установить не въ состояніи, удовлетворенія человѣку дать не могутъ.

Еще опредѣленнѣе объ этомъ Чеховъ говоритъ въ „Домѣ съ мезониномъ“, гдѣ онъ влагаетъ въ уста художнику настоящую оцѣнку той науки, отъ которой онъ самъ ожидалъ царства добра на землѣ: „Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему,—они ищутъ правды, смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библиотекамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь“.

Какая глубокая разница во взглядахъ на науку Чехова-художника, христiанина въ этихъ словахъ и Чехова-интеллигента въ выше цитированномъ письмѣ къ Дягилеву, гдѣ онъ утверждаетъ, что между наукой и культурой, съ одной стороны, и религіей и Богомъ, съ другой, нѣтъ ничего общаго, какъ между жизнью и смертью, между истиной и ложью! Причемъ религія считается ложью и смертью. Чеховъ-интеллигентъ и часть сочувствующихъ ему героевъ его рассказовъ говорятъ: „Мое святое святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье. умъ, талантъ, вдохновенье, любовь и абсолютнѣйшая свобода“ ²⁰⁾. А Чеховъ-художникъ говоритъ

¹⁹⁾ Письма, т. 3.

²⁰⁾ Письма, 89 г. X.

словами „чернаго монаха“: „Повышенное настроеніе, возбужденіе, экстазъ—все то, что отличаетъ пророковъ, поэтовъ, мучениковъ за идею отъ обыкновенныхъ людей, противно животной сторонѣ чловѣка, то есть его физическому здоровью. Повторяю, если хочешь быть здоровъ и нормалень, иди въ стадо“ ²¹⁾).

Наконецъ, и Чеховъ-интеллигентъ начинаетъ все больше и больше терять вѣру въ свою самодовлѣющую науку и культуру. И хотя его интеллигентскій умъ не измѣнилъ ему даже на смертномъ одрѣ, предъ страшнымъ и загадочнымъ лицомъ вѣчности, предъ холодомъ зіяющей могилы, и Чеховъ, по свидѣтельству очевидцевъ его смерти, умеръ съ философски-спокойнымъ равнодушіемъ, ни разу не вспомнивъ о Богѣ, о церкви съ ея умиротворяющими пѣснопѣніями, молитвами и обрядами, о которыхъ онъ такъ захватывающе умѣлъ и любилъ говорить въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, но посмотрите чего ему это стоило! Прочитайте внимательно его письма, прислушайтесь къ разговорамъ и сѣтованіямъ его героевъ и вы убѣдитесь, что вѣра въ науку не дала Чехову душевнаго мира, а, напротивъ, образовала въ его душѣ глубокую трещину, мучительный надломъ.

За два года до смерти Чеховъ пишетъ Суворину: „Вспомните, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или даже просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и васъ зовутъ туда же, и вы чувствуете не умомъ, а всѣмъ существомъ, что у нихъ есть цѣль. У однихъ, смотря по калибру, цѣли ближайшія... у другихъ цѣли отдаленныя—Богъ, загробная жизнь, счастье чловѣчества и т. п. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь такую, какъ она есть, но оттого, что каждая строка пропитана, какъ сокомъ, сознаниемъ цѣли, вы кромѣ жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть и это плѣняетъ васъ. А мы? Мы! мы пишемъ жизнь такую, какъ она есть, а дальше ни тпру, ни ну... У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей, и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ“ ²²⁾.

²¹⁾ „Черный монахъ“.

²²⁾ Письма, 1892 г. XI, 25.

Какая мучительная тоска по высшимъ цѣнностямъ, по идеямъ иного порядка, чѣмъ идеи науки и культуры чувствуется въ этомъ письмѣ, какая жажда иного символа вѣры, чѣмъ тотъ, какой исповѣдуетъ интеллигенція!

А вотъ характерный отзывъ о носителяхъ и апостолахъ культуры, представителяхъ интеллигентскаго символа вѣры: „Громадное большинство той интеллигенціи, какую я знаю, говоритъ Трофимовъ въ „Вишневомъ садѣ“, ничего не дѣлаетъ и къ труду пока не способна. Называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ ты, съ мужиками обращаются, какъ съ животными“ ²³⁾.

Слѣдовательно, ни наука, ни культура не въ состояніи облагородить человѣка, не въ силахъ установить между людьми то братство, ту любовь, то царство Божіе на землѣ, которое дается только религіей и моралью и притомъ совершеннѣйшей религіей и этикой—христіанской.

Потеря вѣры въ Бога, въ безсмертіе души, въ загробную жизнь, въ высшій духовный міръ, въ отвѣтственность за свои проступки предъ Богомъ опустошила мягкую, нѣжную душу любвеобильнаго Чехова и окутала ее вѣчными сумерками. Онъ мучительно ищетъ выхода изъ имъ же созданнаго тупика и не находитъ его, такъ какъ ищетъ не тамъ, гдѣ нужно и гдѣ подсказываетъ ему искать его чуткая совесть.

„День и ночь болитъ моя совесть“, пишетъ онъ Суворину, чувствую, что глубоко виноватъ, но въ чемъ собственно моя вина, не понимаю“ ²⁴⁾. Опять какая глубокая разница между настроеніемъ этихъ строкъ и его увѣреніемъ въ письмѣ къ Ив. Щеглову, ²⁵⁾ что съ нравственностью онъ расквитался! „Душа моя болитъ! пипетъ онъ тому же Суворину въ другомъ письмѣ, скучно!... Это, сударь мой, такая крошка, отъ которой не поздоровится“ ²⁶⁾.

Ив. Щеглову пишетъ: „И тепло и просторно (на дачѣ), и сосѣди интересные, и дешевле, чѣмъ въ Москвѣ, но, милый мой капитанъ... старость! Старость, или лѣнь жить, не знаю

²³⁾ „Вишневый садъ“.

²⁴⁾ Письма.

²⁵⁾ См. прим. 17.

²⁶⁾ Письма.

что, но жить не особенно хочется. Умирать не хочется, но и жить какъ будто надоѣло. Словомъ душа вкушаетъ хладный сонъ“ ²⁷⁾. Брату пишетъ: „Въ душѣ какъ въ пустомъ горшкѣ“ ²⁸⁾. Мизининой жалуется, что онъ не можетъ жить безъ цѣли, и чтобы имѣть хотя какую-нибудь цѣль впереди собирается путешествовать: „Надо имѣть цѣль въ жизни, а когда путешествуешь, то имѣешь цѣль“.

Какой глубокой трагизмъ въ этой мучительной погонѣ за цѣлью жизни, цѣлью, утерянной вмѣстѣ съ религіей, съ вѣрой въ Бога, въ загробную жизнь, въ мздовоздаяніе! Суворину пишетъ: „Пора уже сознаться, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь“.

Потеряна цѣль жизни, ея смыслъ, угасъ тотъ свѣтъ, который освѣщалъ ее и оживотворялъ; потухъ тотъ огонекъ, который указывалъ вѣхи жизни и мерцалъ вдали, какъ маякъ, у конечной цѣли, и жизнь окуталъ страшный, пустой и холодный мракъ, ничего нельзя стало разбирать, и заняла душа предсмертной тоской. На такую же пустоту жизни безъ цѣли, безъ религіи, безъ Бога очень часто жалуются и герои Чехова изъ интеллигентскаго лагеря, тогда какъ у героевъ, не потерявшихъ вѣры въ Бога, религіозныхъ, жизнь течетъ ровно, спокойно; они идутъ къ концу ея съ ясной свѣтлой душой, ихъ порывы, ихъ энтузіазмъ полны вѣры, надежды и любви. Въ ихъ душѣ не „пусто, какъ въ горшкѣ“, и она не вкушаетъ хладный сонъ, а находится въ постоянномъ мистическомъ общеніи съ Богомъ и полна неземныхъ восторговъ и предвкушеній вѣчной жизни.

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ сѣтованій героевъ Чехова изъ невѣрующаго лагеря. „Да ничего не поймешь на этомъ свѣтѣ“, жалуется герой „Огней“. „И вся жизнь показалась Рябовичу непонятной, безцѣльной шуткой“ („Поцѣлуй“). „Въ сущности вся жизнь устроена и человѣческія отношенія сложились до такой степени непонятно, что, какъ подумаешь, дѣлается жутко и замираетъ сердце“ („На подводѣ“). „Сущность жизни представляется отчаянной, ужасной“ („Степь“). „Жизнь досадная ловушка. Когда мыслящій че-

²⁷⁾ Письма.

²⁸⁾ См. „Степь“, „Святою ночью“, „Студентъ“ (о Христофорѣ, Иеронимѣ Студентѣ).

ловѣкъ достигаетъ возмужалости и приходитъ въ зрѣлое сознание, то онъ невольно чувствуетъ себя какъ бы въ ловушкѣ, изъ которой нѣтъ выхода... хочетъ онъ узнать смыслъ и цѣль своего существованія, ему не говорятъ или же говорятъ нелѣпости... О зачѣмъ челоѣкъ не безсмертенъ?“ („Палата № 6“). „Я презираю ваши книги, презираю всѣ блага міра и мудрость. Все ничтожно, брэнно, призрачно и обманчиво, какъ миражъ“ („Пари“). „Я не способенъ различать, что въ моихъ поступкахъ правда и что ложь, и они тревожатъ меня“ („Страхъ“). „Зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ... Если бы знать, если бы знать!“ („Три сестры“). И такихъ воплей опустошенныхъ невѣріемъ душъ можно привести изъ художественныхъ произведеній Чехова сколько угодно. И если сравнить эти вопли съ однородными воплями самого Чехова въ его письмахъ, то станетъ понятнымъ, какою цѣною душевныхъ мукъ куплена та художественная объективность Чехова которая поражаетъ всѣхъ въ его произведеніяхъ;—та вѣрность его интеллигентскому символу вѣры, которую онъ донесъ неизмѣнной до смертнаго ора.

Безъ вѣры, безъ цѣли, какъ тѣни среди живыхъ людей, словяются герои Чехова, изъ интеллигенціи, а съ ними и самъ Чеховъ; жадно вопрошающими глазами вглядываются они въ окружающую ихъ жизнь, силясь найти въ ней смыслъ, пытливо слѣдятъ за быстро смѣняющимися идеями и идеалами интеллигенціи, за послѣдними открытіями и достиженіями науки и съ отчаяніемъ въ душѣ признаются, что ничего нельзя разобрать въ жизни, что нѣтъ смысла и цѣли и въ дѣятельности интеллигенціи съ ея матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ. Не увеличили счастья и добра, не облагородили людей и всѣ завоеванія науки и культуры. „О, если бы знать, о, если бы знать!“ Съ мучительнымъ надрывомъ, въ смертной тоскѣ по утерянной вѣрѣ и смыслу жизни, повторяетъ Чеховъ вмѣстѣ съ своими героями. Онъ, клявшийся вмѣстѣ съ профессоромъ изъ „Скучной исторіи“ умереть съ вѣрой въ науку, на мучительный вопросъ тысячи читателей, предъявленный устами Кати изъ той же „Скучной исторіи“: „Что мнѣ дѣлать? Я не могу дальше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога скажите скорѣе сію минуту: что мнѣ дѣлать?“ Могъ бы отвѣтить только словами

Николая Степановича: „Ничего я не могу сказать тебѣ, Катя... Давай, Катя, завтракать“...

Да наука, культура матеріалистическаго направленія иного отвѣта и не могутъ дать на этотъ страстный крикъ жаждущей Бога души, такъ какъ въ сущности всѣ идеалы такой науки и культуры въ концѣ концовъ сводятся къ стремленію доставить человѣку хорошій завтракъ. О томъ же, что „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ“, наука сказать не могла. Объ этомъ говорили Чехову тѣ церковныя пѣнопѣнія и молитвы, которыя такъ его влекли къ себѣ и слушать которыя онъ ходилъ изъ церкви въ церковь до одервенѣнія ногъ. Умъ твердилъ, что все это ерунда, пережитокъ, мужицкій Богъ, а душа тосковала и рвалась къ этому мужицкому Богу, къ церкви, къ забытымъ святынямъ. И такъ страстно любимый Чеховымъ колокольный звонъ, точно чувствуя этотъ мучительный разладъ въ душѣ Чехова, эту тягу его души къ Богу, къ храму, преслѣдовалъ его всюду и звалъ его къ свѣтлому дѣтскому прошлому, къ утерянной вѣрѣ, къ покинутому храму, къ отвергнутому Богу. Это было дѣйствительно страшное, необъяснимое явленіе, которое поражало всѣхъ.

„Удивительное совпаденіе, говорить объ этомъ явленіи братъ Чехова Михаилъ, которое удивляло всякій разъ и его (А. П.) и другихъ, кто бывалъ въ тѣ минуты съ нимъ. Это—звонъ. Въ какую бы пору дня или ночи братъ ни проѣзжалъ мимо церкви, всегда раздавался въ ней звонъ.—„Ну, вотъ слушай... всякій разъ онъ обращался ко мнѣ, когда мы подходили или подъѣзжали къ церкви. Сейчасъ будутъ звонить... И дѣйствительно начинался звонъ“... 29)

Точно тотъ человѣкъ съ молоточкомъ, который, по Чехову, долженъ стоять за дверью каждаго человѣка и своимъ постояннымъ стукомъ въ дверь напоминать ему объ его человѣческихъ обязанностяхъ,—и колокольный звонъ постоянно напоминалъ Чехову о той силѣ, которая одна только могла бы спасти его и вернуть душѣ его потерянный покой, потерянный смыслъ жизни; взывалъ къ той его религіозности, которую Чеховъ считалъ навсегда утраченной, но которая только была загнана въ глубь его души его позитивнымъ

29) Сборникъ „Памяти Чехова“, стр. 58.

умомъ, его интеллигентскими убѣжденіями. И все, что въ Чеховѣ и его творчествѣ такъ плѣняетъ насъ—не отъ науки, не отъ ума, а отъ этой религіозности, отъ вѣры, всю жизнь тлѣвшей въ его душѣ подъ пепломъ матеріалистическихъ воззрѣній.

Та изящная, изысканно деликатная, безконечно добрая, тонко отзывчивая, съ грезами о всеобщемъ счастьи, стыдливая, скромная, чуткая къ каждому проявленію лжи душа Чехова, которая такъ неотразимо дѣйствовала на всѣхъ, притягивала къ себѣ, покоряла—не отъ науки, не отъ культуры, такъ какъ самъ Чеховъ говорилъ, что большинство извѣстныхъ ему интеллигентовъ, людей науки и культуры, душевно грубы, животное жестоки,—а отъ религіи, отъ церкви. Его неутомимая жажда справедливости, всепрощающей любви коренится въ религіозномъ воспитаніи. И эта религіозность, это христіанская полнота любви, какъ трава сквозь тщательно замоценную камнемъ и утрамбованную почву, пробивается, помимо воли Чехова, наружу сквозь густо наложенные пласты интеллигентскаго міровоззрѣнія, пробивается иногда едва замѣтными побѣгами. Она проявлялась въ тяготѣнія Чехова къ темамъ изъ жизни духовенства, монастырей, въ особой склонности изображать религіозныя переживанія, церковныя службы, въ особенной любви къ церковному звону, къ посѣщенію церковныхъ службъ и въ особенности такихъ трогательныхъ, какъ пасхальныя. Гдѣ бы ни былъ Чеховъ онъ обязательно обходилъ всѣ церкви и слушалъ пасхальную службу, упивался пасхальнымъ звономъ.

Изъ заграницы онъ пишетъ брату Михаилу: „Былъ я вчера въ воскресенье въ здѣшней русской церкви... Великолѣпно пѣли Херувимскую № 7 Боршнянскаго и простое Отче нашъ“³⁰⁾.

Дядѣ пишетъ изъ Парижа: „Только что вернулся изъ польской церкви, гдѣ слушалъ заутреню“³¹⁾. Сестрѣ—оттуда же: „Заутреню слушалъ въ посольской церкви“³²⁾. Сестрѣ

³⁰⁾ Письма, т. 3 стр. 217.

³¹⁾ Ibid., стр. 221.

³²⁾ Ibid., стр. 222.

же пишетъ изъ Екатеринбургa (по дорогѣ на Сахалинъ): „Колокола здѣсь звонятъ великолѣпно, бархатно“³³⁾.

Какіе все это характерные штрихи для его душевной жизни, его душевной настроенности, о которой онъ любилъ говорить только съ самыми близкими людьми и тщательно скрывалъ отъ постороннихъ.

Не менѣе характерны и такія, напримѣръ, указанія его біографовъ: „Чеховъ до конца жизни любилъ читать про божественное“³⁴⁾. „Любимымъ предметомъ Чехова въ гимназіи былъ Законъ Божій“. „Чеховъ ѣздилъ на Новый Афонъ, здѣсь познакомился съ еп. Геннадіемъ... купилъ здѣсь для матери образокъ“...³⁴⁾ И много другихъ подобнаго рода вскользь брошенныхъ, но весьма характерныхъ замѣчаній. Характерныхъ, говорю, ибо въ этихъ-то незамѣтныхъ мелочахъ, да въ чарующемъ лиризмѣ поэтическихъ описаній, которыми полны его художественныя произведенія,—описаній,—исполненныхъ волшебной красоты и несравненныхъ очарованій,—и въ тѣхъ порывахъ къ вѣчному, небесному, которые осѣняютъ его героевъ, а не въ интеллигентскихъ разговорахъ его и его персонажей и даже не въ разсужденіяхъ его писемъ нужно искать разгадку души Чехова, его вѣры, его душевныхъ переживаній. Чеховъ умеръ правдивымъ интеллигентомъ, потерявъ, повидимому, все, что нужно и важно для жизни. Въ его душѣ въ дѣтствѣ былъ насажденъ духовный вишневый садъ, но пришли Лопухины жизни и во имя временныхъ, практическихъ цѣлей, во имя науки и культуры безжалостно срубили этотъ дивный, благоуханный садъ, очистивъ мѣсто для аптечекъ, больницъ, конституцій, рессоръ, бронзы и прочихъ благъ культуры. И умеръ Чеховъ съ философскимъ равнодушіемъ къ ожидающей его загробной жизни, такъ казалось окружающимъ его смертный одръ.

Но кто могъ заглянуть въ глубину его души, въ ея интимные уголки? Вѣдь Чеховъ такъ ревниво оберегалъ свое святое святыхъ отъ назойливыхъ глазъ даже своихъ близкихъ друзей.

³³⁾ Ibid., стр. 58.

³⁴⁾ Мускатблитель, біографія Чехова.

Кто знаетъ, не звалъ ли онъ въ предсмертной тоскѣ, какъ Раневская, свое дѣтство, свою прежнюю душевную чистоту, свой бѣлый чистый садъ, свою дѣтскую вѣру? Кто знаетъ? Изъ противорѣчій соткана душа русской интеллигенціи и глубоко трагична борьба этихъ противорѣчій, въ особенности когда она касается такихъ основныхъ вопросовъ бытія, какъ вѣра и невѣріе.

Священ. Н. Стойковъ.
